

Ю.И. Игрицкий

МНОГОПАРТИЙНАЯ БЕСПАРТИЙНАЯ РОССИЯ

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир».

1. Партийная система: Есть или нет?

Отправной точкой анализа современной партийной системы в России может быть умозаключение, что в стране, где:

- в течение предыдущих семи десятиков лет монопольно правила одна-единственная партия, по существу срастившаяся с государством;
- не сформировалось полноценное демократическое общество с традициями политического плюрализма;
- в общественном сознании сохранился код упования на сильную персональную власть;
- государство и бизнес, исполнительная, законодательная и судебная ветви власти слабо отделены друг от друга;
- крайне маловероятно сколько-нибудь быстрое, измеряющееся не десятилетиями, а годами, образование мощных соперничающих политических партий с устойчивой социальной базой и существенно различающимися идеологиями.

Этот умозрительный постулат настолько точно подтверждается 20-летней постсоветской историей России, что практически все независимые исследователи в современной России либо раз за разом излагают, либо придерживаются его.

Тем не менее свыше двух десятилетий в стране существует формальная многопартийность, которая в разные годы исчислялась в амплитуде от нескольких десятков до десятка организаций, называющих себя политическими партиями, и этот феномен внимательнейшим образом изучался как отечественным, так и зарубежным экспертными сообществами. Историю формальной российской многопартийности конца XX – начала XXI в. можно условно

рассматривать под углом зрения эволюционной теории. Подобно биологическим видам партии рождались, множились, крепили, отмирали, соперничали, завоевывали или утрачивали территории и анклавов. Наиболее сильные выжили и функционируют сейчас. Каждая из них имеет своих партийных статистиков и историков, хотя их данные далеко не всегда предаются огласке.

Другое дело – партийная система. Здесь теорию эволюции следует подвергнуть сомнению. После «Большого взрыва» (если вспомнить другую теорию) на этапе поздней «перестройки» общество разродилось десятками политических организаций, но это еще никак нельзя было назвать системой. Затем же последовали метаморфозы, которые невозможно объяснить однозначно ни закономерностями поступательного роста, ни революционными скачками, вызванными накоплением частных изменений. Главным источником этих метаморфоз стало традиционное устремление российской власти поставить себя над обществом, включая образующиеся в обществе партии. Не партии в постсоветской России влияли на функции и персонификацию власти, а власть (институциональная и персонифицированная) взялась определять функции партий.

Представляется, что к настоящему моменту развитие партийной системы (именно *системы*) в России прошло три фазы: зарождение – клиническая смерть – проявление новых признаков жизни. С формальной точки зрения вторую (а следовательно, и третью) фазы можно оспорить: какая смерть? какие признаки жизни? Но в том-то и дело, что в политической жизни России последних двух десятилетий формальное (оформленное в документах, включая Конституцию) и фактическое сплошь и рядом не совпадало. Это касалось и федерализма, отношений «центр–регионы», и объема полномочий исполнительной власти, и роли политических партий. Общеизвестно, что первые некоммунистические партии в перестроечном Советском Союзе только формально были партиями, представляя фактически слабо организованные объединения стихийно вовлеченных в политику людей без устоявшейся социальной базы. Соответственно многопартийность в начале 1990-х годов носила эмбриональный характер, в ней не было цементирующих ее доминантных сил. Еще висела над страной бледнеющая тень КПРФ – партии, которая сама по сути была слабой тенью КПСС: она сохранила за собой часть ее кадров и разветвленную сетевую структуру, однако уже и эта структура функционировала со сбоями, и весь коммунистический «бренд» после августовского путча 1991 г. в течение короткого времени померк в глазах подавляющего большинства россиян, ожидавших благоприятных перемен от новой власти.

В отличие от некоторых стран Восточной Европы (Венгрии, Чехии, затем Молдавии) в России из правящей коммунистической партии не вылупилось ничего социал-демократического – ни движения (говорить о «движении» по-

звонит многомиллионный численный состав КПСС), ни партии, ни даже фракции. Многие исследователи полагают, что случись такое, политический процесс в России принял бы иные черты. Очень может быть. Как могло быть, например, и то, что весь политический процесс XX в. приобрел бы другой характер, если бы осенью 1917 г. большевики пошли на соглашение с меньшевиками и эсерами в ходе Демократического совещания. Но что было, то было; что есть, то есть. Кристаллизация политических организаций из социального питательного бульона в начале 1990-х пошла размельчено и хаотически. Эксперты предлагают разные варианты периодизации развития многопартийности. К примеру, политик и одновременно представитель науки В.Н. Лысенко (один из основателей Республиканской партии Российской Федерации в 1990 г.) разделит становление многопартийности в России в конце XX в. на три этапа: 1990 – август 1991 г.; 1991 – декабрь 1993 г.; период после 1993 г. [15, с. 119–120]. Легко видеть, что в основе такой периодизации лежит непосредственная борьба за власть не партий, а ведущих политических фигур с разными представлениями о развитии страны и роли главной фигуры – президента. Профессор Кентского университета (Великобритания) Р. Саква выделяет фазы поляризации политических сил и партий (август 1991 – октябрь 1993 г.), демократической адаптации (конец 1993 – 1995 г.) и политической дифференциации (после 1995 г.) [29, с. 79–91]. Немецкий исследователь Э. Шнайдер так структурирует процесс возникновения партий в позднесоветский и постсоветский периоды: образование протопартий (1988–1989); формирование партий соответственно антиномии «демократы–коммунисты» (1990–1991); партийное строительство в треугольнике «демократы–центристы–оппозиционеры» (1991–1993); развитие многопартийности в период попыток создания «партии власти» (1993–1996); возникновение новых политических сил вплоть до начала XXI в. [28, с. 179–180].

Эти и другие похожие варианты периодизации сфокусированы на роли политических организаций в процессе размежевания политических сил, где партии играют роль определенных индикаторов. С точки зрения развития партийной системы за деревьями, однако, можно не увидеть леса. Представляется, что *все* 90-е годы прошлого века были временем зарождения посткоммунистической и постсоветской партийной системы в России. Родилась ли она? Ответ на этот вопрос зависит от того, какими критериями руководствоваться. Половодье политических организаций – еще не система. Это просто многопартийность. Наличие партийной системы мыслимо в трех различных ситуациях: 1) в обществе существуют крупные партии с кардинально (порой полярно) различающимися идеологиями и политическими программами (условно: леворадикальными и праворадикальными – как в Латинской Америке; левоцентристскими и правоцентристскими – как в Европе); 2) между крупными партиями не существует кардинальных отличий, раскалываю-

32

щих общество, они сменяют друг друга во власти в зависимости от практических достижений власти (как в США); 3) партия власти, независимо от ее названия и идеологических нюансировок программы, доминирует в политической жизни, пользуясь поддержкой большинства населения и сотрудничая с другими, более мелкими партиями (как в разное, но длительное время в Японии и ряде других стран).

Все эти ситуации объединяет то, что речь идет о партиях устоявшихся, более того, о партиях, без которых трудно представить политическое развитие соответствующих стран. Если, как подчеркивает М. Дюверже, процесс вызревания «подлинных партий» в Европе и Америке длился «всего сто лет» [11, с. 21], то нынешние российские партии столь же молоды, сколь молода и сама нынешняя Россия. С чего им быть зрелыми, и о какой системе, следовательно, может идти речь? Только о столь же незрелой системе, идущей к зрелости.

Отрицать, что российская многопартийность стремилась к зрелости, к *системности*, так же непродуктивно, как считать современную партийную систему сложившейся. Но поскольку система в зрелом виде не сложилась, то оснований считать, что ее по существу нет, столько же, сколько оснований считать, что она формально есть.

Если в посткоммунистических государствах Восточной Европы довольно быстро образовались социал-демократические партии, причем в Болгарии, Венгрии, Литве, Румынии, Словакии, Словении и Чехии они оказывали и оказывают сильное влияние на политическую жизнь [см.: Гуселетов, с. 63–64], то Социал-демократическая партия России (СДПР), созданная в мае 1990 г., с самого начала была малочисленной и раздиралась внутренними противоречиями, приведшими к ее расколу, в частности к образованию осенью 1992 г. Российского социал-демократического центра, а в 1994 г. – Российской социал-демократической народной партии¹. Все они не играли сколько-нибудь заметной самостоятельной роли и лишь участие в блоке «Яблоко» (пока тот проходил в парламент) дало СДПР два депутатских мандата на выборах в Государственную думу 1993 г. и пять мандатов на выборах 1995 г. На этом парламентский этап деятельности российской социал-демократии завершился, а вскоре и сама партия перестала существовать. М.С. Горбачёв предпринял в 2002 г. попытку реанимировать ее с помощью собственного авторитета и в 2003 г. даже добился принятия ее в Социнтерн на правах ассоциированного члена, но в 2007 г. Верховный суд РФ принял решение о ее ликвидации из-за несоответствия требованиям Закона «О поли-

1. Возникшие в 1991-1992 гг. Социалистическая партия и Социалистическая партия трудящихся имели программы идеологически еще менее четкие и близкие социал-демократическим требованиям.

тических партиях» (партия не имела в более чем половине регионов страны отделений численностью более 500 человек). Таким образом, социал-демократические идеалы, программы и организации не укоренились на российской социальной и политической почве, и это мощное в Европе направление политики, которое могло бы стать одним из опорных столбов партийной системы в стране, миновало Россию.

Равным образом не укоренились в России партии правой либерально-демократической ориентации (читатели понимают, что ЛДПР – не в счет). После захватнической приватизации и резкого социального расслоения, обнажившего в 1990-х годах бедность и нищету основной массы населения, либерализм стал еще бóльшим жупелом для россиян, чем диктат старой КПСС. В России не могли образоваться и прижиться партии не только откровенно либерального толка (наподобие североамериканских), но даже умеренно либерального (наподобие ХДС и ХСС в Германии).

Поистине драматическое положение дел: народ не принимал либералов и не понимал социалистов!

Это означало, что шансов на формирование классической двухпартийной системы в России было крайне мало или не было совсем. В многопартийном спектре находили свои ниши женщины, пенсионеры, «зеленые», регионалисты – но это были небольшие ниши, неспособные стать постоянными структурными элементами системы.

Поскольку логика складывания такой ситуации выявилась довольно быстро, столь же быстро обозначилась возможность власти вмешаться в процесс. Необходимо совершенно ясно понимать, что власть (президент, правительство, представительные органы, чиновничество) после распада СССР и крушения советской системы не была *партийной*, как в исторически сложившихся однопартийных и многопартийных государствах. Она была некоммунистической и антикоммунистической, но не имела собственной партийной принадлежности. Следовательно, власть сама могла обрести *партийность*, создав организацию, которая шла бы на выборы под ее знаменами ради ее же сохранения и упрочения – **партию власти**.

2. Власть партии и партия власти

Государственная власть и партии были не раз обручены в истории – по-разному. Принято считать, что в тоталитарных режимах функции и поля деятельности власти и партии во многом совпадали и это в наибольшей мере относилось к советскому государству и КПСС. Данное представление подлежит уточнению, поскольку апогеем тоталитарного правления в СССР был период сталинизма, когда правили сам диктатор, репрессивные органы и уж в третью очередь КПСС; апогей же партийного правления – послесталинский период,

когда уже не было диктатора, масштаб репрессий резко снизился, а административные функции КПСС необычайно расширились. Но отнесение КПСС (как и NSDAP в гитлеровской Германии) к категории *тоталитарных партий* прижилось в исторической и политологической литературе. СССР и нацистская Германия были однопартийными государствами, в них почти полностью совпадали форма и методы правления.

Роль и функции *гегемонистских партий* существенно отличались. Сам этот термин был введен польским социологом Е. Вятром применительно к ПОРП в коммунистической Польше. «Гегемонистская партия не допускает ни формального, ни фактического соревнования за власть», – разъяснял классик партологии Дж. Сартори, воспринявший термин [30, с. 230]. Он же ввел и другой – «*доминантные партии*» [там же, с. 192], охватывающий такие разные организации как Индийский конгресс, партии французских радикалов и скандинавских социал-демократов, а также Институционно-революционная партия Мексики, правившая страной с 1920-х по 1990-е годы (которую он одновременно причисляет и к гегемонистским партиям).

Во всех случаях политические курсы государства и политические программы партий были либо тождественны, либо тесно взаимосвязаны. В контексте текущего анализа важно, однако, не это, а то, что гегемонистские и доминантные партии могут формировать (и де-факто формируют) государство в соответствии со своими программными целями; партия же власти сама формируется государством (более конкретно – верховным правителем и его окружением) как инструмент политического действия. И поскольку в новой России власть институционально и идеологически вышла не из партийных программ, а непосредственно из борьбы политиков и политических сил, рано или поздно задача создания клиентелистской организации, связанной уставом, программой и правилами членства, должна была встать в повестку дня. Если, по М. Веберу, в Англии XIX в. партии возникли как «свита аристократии» [3, с. 672], то в России конца XX в. в такой «свите» стали нуждаться те, кто заняли высшие государственные посты после краха советской системы и 70-летнего господства КПСС (конечно, в «свите», соответствующей эпохе «восстания масс», господства СМИ и технологического совершенства).

Мысли о необходимости приобретения или создания своей партии, вероятно, стали посещать власть предержащих еще в период начала либеральных реформ и противостояния президента Ельцина и Верховного Совета РФ. В неустойчивой социальной и политической ситуации тех лет новая исполнительная власть нуждалась в организационной консолидации своих сторонников. «Гражданский союз», возникший летом 1992 г., и «Выбор России», созданный в конце 1993 г., были размытыми прообразами партии власти, не став, однако, таковой уже в силу того, что представляли собой не партии, а блоки, объединявшие разномастные течения во главе с несогласными между

собой, а то и соперничающими лицами [см., напр.: 12в, с. 37–40; 22, с. 139–144, 168–174].

Когда же противостояние президента и парламента закончилось победными президентскими залпами по Белому дому и последующим принятием пропрезидентской Конституции Российской Федерации 1993 г., власть могла в более спокойной (несмотря на войну в Чечне) социальной обстановке поразмыслить о том, какая партийная система наилучшим образом способствовала бы ее стабильности. Мировая история подсказывала, что системы с двумя крупными соперничающими партиями в окружении мелких более устойчивы, чем системы с большим числом крупных партий – об этом свидетельствовал опыт (устойчивости) Великобритании, США, с одной стороны, и опыт (неустойчивости) Веймарской Германии и республиканской Испании – с другой. Не исключается, что первоначально российская элита склонялась именно к этому варианту: исполнительная власть опирается на две партии, из которых одна уж точно победила бы на выборах, а другая – составила бы костяк неантагонистической оппозиции. Место таких партий должно было бы находиться в центре политического спектра, а вместо идеологических коннотаций в названии обязательно должно было фигурировать слово «Россия». Тем самым такие партии заявляли неотъемлемые претензии на государственничество и всероссийскость.

Но таких партий не было (не возникли, не вызрели, не получились – выбирайте любое слово), и на вершине политической пирамиды пришлось опять-таки довольствоваться блоками. В парламентских выборах 1993 г. приняла, правда, участие Партия российского единства и согласия (ПРЕС), но она представляла региональные власти в большей мере, чем центральную («вертикаль» власти еще не была выстроена, да Ельцин и не прилагал к этому особых усилий, скорее заигрывая с регионами, чем опираясь на них). К тому же эта партия получила на выборах всего 6,7% голосов. «Выбор России» получил значительно больше (15,5%), но проиграл ЛДПР Жириновского (22,9%). Разве на это рассчитывали президент и правительство?

В апреле 1995 г., в преддверии выборов в Государственную думу второго созыва, Б.Н. Ельцин призвал к созданию двух центристских блоков – правоцентристского (который возглавил премьер-министр В. Черномырдин) и левоцентристского (руководить которым взялся председатель ГД И. Рыбкин) [12, с. 93]. Это был замысел опоры президента не на согласие центра и периферии (федеральный консенсус), как в 1993 г., а на поддержку условно либерально и социально ориентированных политических сил (социальный консенсус). В этот момент идея двух опорных колонн власти, по-видимому, достигла своего апогея. Однако она оглушительно провалилась на практике. Правоцентристский блок «Наш дом – Россия», хоть он и был представлен, помимо Черномырдина, такими известными людьми как Н. Травкин,

А. Шохин, Н. Михалков, собрал всего 10,1% голосов (у КПрФ было 22,3%, а у ЛДПР – 11,2%). Второй блок и вовсе распался еще до выборов.

Призрак двухпартийной системы еще раз замаячил на горизонте во время подготовки и проведения выборов 1999 г. Но на этот раз речь шла уже не о намерениях власти держаться на двух относительно солидарно шагающих «ногах», а о полной рассогласованности, соперничестве «ног». И перемены за минувшие четыре года были настолько велики, что соперничество за места в парламенте шло не между «Нашим домом» (потерявшим авторитет после ухода из правительства Черномырдина) и левыми силами, а между новым блоком «Отечество – вся Россия» (ОВР), руководимым мэром Москвы Ю. Лужковым и бывшим премьер-министром (с сентября 1998 по май 1999 г.) Е. Примаковым, и избирательным движением «Единство», именовавшимся также блоком «Медведь», которым формально руководил С. Шойгу, фактически – Ельцин и его премьер-министр и будущий президент В. Путин.

Лужков был негласным претендентом на президентство, вылезшим не из шинели предыдущего президента и посему неприемлемым для Ельцина. Провал блока «Отечество – вся Россия» на выборах 1999 г. (13,3% голосов) в сравнении с вертикальным взлетом «Медведя» (23,3%; лишь у КПрФ было больше – 24,3%) означал и бессмысленность названных негласных притязаний Лужкова, и фатальную слабость его блока.

Одновременно эти выборы поставили крест на перспективах формирования двухпартийной системы в России. А можно сказать – на возможности развития эффективной партийной системы вообще. Осталась та же разномасштабная многопартийность, какая была в начале постсоветской эпохи. И она все более настойчиво подталкивала высшие эшелоны политической элиты к созданию одной-единственной, но надежной партии власти.

Что это возможно показала расстановка сил в Думе в начале нового века, где бывшие соперники «Единство» и ОВР создали большинство центристского толка с участием депутатов других групп. Это образование было четко пропрезидентским. Оно обеспечило утверждение в парламенте вносимых Путиным законов, в том числе ключевого Закона «О политических партиях», принятого в июле 2001 г. Закон максимально сузил возможности прохождения в Думу небольших партий: теперь, чтобы представить свой избирательный список, партия должна была насчитывать не менее 10 тыс. членов² и региональные отделения не менее чем в половине субъектов РФ численностью не менее 100 человек (в 2004 г. минимальная численность была установлена уже в 50 тыс., а в 2008 г. снижена до 40 тыс. человек). Были запрещены пар-

2. В 2004 г. минимальная численность была установлена в 50 тыс. человек; в 2008 г. снижена до 40 тыс.; сейчас принято предложение Д. Медведева о 500 членах.

тии, представляющие отдельные регионы или группы регионов – так закладывался фундамент вертикали власти, создание которой было одной из главных программных целей Путина.

Закон «О политических партиях», как и избирательные законы в первые годы президентства В.В. Путина, максимально способствовали действенному функционированию партии власти, буде она вылеплена. А вылепить ее теперь оказалось не столь уж трудным делом – ведь уже существовал блок «Медведь» / «Единство». Новая одноименная партия на почве поддержки молодого президента в течение 2001 г. сумела найти общий язык с «Отечеством» и «Всей Россией», и 1 декабря того же года на свет появилась «Единая Россия», вобравшая их всех в себя.

Внешние обстоятельства, сопутствовавшие рождению ЕР, были для нее весьма благоприятными. Ушла в прошлое эра Ельцина, который из антикоммунистического героя-освободителя превратился к концу своего президентства в больного и антипатичного народу старика. Уходил в прошлое финансовый кризис 1998 г., подорвавший благосостояние миллионов россиян. Само начало нового века словно открывало бредущей в тумане стране новые дороги и новые горизонты. Это настолько окрыляло и одновременно одурманивало идеологов «Единой России», что в проекте партийного манифеста 2002 г. они договорились до обещаний: каждому жителю России, что он в 2004 г. будет платить за тепло и электроэнергию вдвое меньше; каждому гражданину, что с 2005 г. он будет получать свою долю от использования природных богатств страны; каждой семье, что она к 2008 г. будет иметь собственное благоустроенное жилье³. А дальше в жанре уж совсем ненаучной фантастики: Чечня станет туристической «Меккой» России; страну разрежут транспортные магистрали Санкт-Петербург – Анадырь и Брест – Токио. «Скажете, что это не может быть? – вызывающе вопрошали авторы проекта. – Это будет! Мы – партия “Единая Россия” – сделаем это!.. Все ждут Русского Чуда? Мы его создадим»⁴.

Этот проект принят не был, но на парламентские выборы 2003 г. партия шла с уверенностью в победе и победила. В ее избирательном списке на первых местах шли С. Шойгу, Ю. Лужков, Б. Грызлов, М. Шаймиев, за которыми следовали 27 руководителей российских регионов. Такая компания не могла проиграть. ЕР завоевала поддержку 37,5% избирателей, оставив далеко позади КПРФ (12,6%) и ЛДПР (11,5%). В Думе партии достались 223 мандата, чуть меньше половины от 450 мест. Эта цифра складывается из 120 ман-

3. Независимая газета. – М., 2002. – 23 декабря.

4. Там же.

датов, полученных ЕР по пропорциональной системе и 103 мандатов, полученных ею по мажоритарной системе в одномандатных округах.

Дальнейший процесс монополизации власти внутри Думы целесообразно изложить словами А.В. Иванченко и А.И. Любарева, авторов весьма информативного труда «Российские выборы: От перестройки до суверенной демократии»: «В первых трех созывах Думы сложилась практика, когда не все депутаты, избранные от какой-либо партии по одномандатным округам, входили во фракцию, образованную этой партией. Обычно часть таких одномандатников образовывала отдельную депутатскую группу вместе с частью депутатов, баллотировавшихся как “независимые” или от не прошедших в Думу партий... Однако в Думе четвертого созыва произошел обратный процесс. Фракция “Единая Россия” стала резко пополняться за счет одномандатников. Для обеспечения этого процесса на первом же пленарном заседании в Регламент Думы было внесено изменение, увеличивавшее численность депутатской группы с 35 до 55 человек. В результате депутатам не удалось сформировать ни одну группу. Было также принято решение о том, что все комитеты Государственной думы должны возглавляться членами фракции “Единая Россия”. Видимо, были задействованы и иные методы привлечения депутатов в эту фракцию. В результате численность данной фракции превысила 300 депутатов, т.е. “Единая Россия” получила в Думе так называемое конституционное большинство, позволяющее ей без учета мнения других фракций принимать федеральные конституционные законы и даже поправки к Конституции РФ.

Таким образом, партия, получившая менее 38% голосов избирателей, взяла полностью под свой контроль нижнюю палату парламента» [12, с. 174–175]. Этот контроль сохраняется поныне, несмотря на то что под давлением необходимости соблюдать хоть какие-то демократические приличия, партия-монополист согласилась с передачей постов председателей ряда думских комитетов другим партиям (так, в Думе шестого созыва, т.е. в нынешней, 15 комитетов возглавляют депутаты от ЕР, шесть – от КПРФ, по четыре – от «Справедливой России» и ЛДПР).

Укрепление позиций партии власти в стране и Думе представляло двуединый процесс. Ему способствовала реформа избирательного законодательства 2005 г., в соответствии с которой на федеральном уровне устанавливалась чисто пропорциональная система без одномандатных округов. «Характерным следствием этой реформы, – отмечает Б.И. Макаренко, – стало широкое распространение практики “паровозов”. Во главе региональных списков “Единой России” ставятся либо губернаторы... либо популярные неполитические фигуры (например, известные спортсмены или деятели культуры...)» [16, с. 12]. После прохождения партий в Думу «паровозы» можно было отцепить. Никто из губернаторов и министров не стал депутатом, удобнее

во всех отношениях было работать в Совете Федерации и правительстве. Да и дело было сделано. В пользу ЕР были также приняты решения о повышении избирательного ценза для партий с 5 до 7% и ужесточении правил регистрации для не представленных в парламенте партий (в частности, значительно увеличился вносимый ими избирательный залог). Все это настолько благоприятствовало усилению политического веса партии власти, что А. Исаев, первый заместитель секретаря Президиума генсовета ЕР, на ее официальном сайте с умилением провозгласил 6 мая 2010 г.: «Партийная система в России стала идеальной».

Б.И. Макаренко приходит к совершенно другому выводу: к парламентским выборам 2007 г. «партийная система приобрела максимально “зарегимированный” характер» [16, с. 14].

Отмена прямых губернаторских выборов и фактическое назначение глав регионов президентом еще более усилили роль «фактора паровозов» в думских выборах. «Нужно было создать такую систему, – пишет Г. Голосов, – при которой губернатор, с одной стороны, не мог бы оставаться вне партийной политики, а с другой – был бы вынужден поддерживать только одну партию, “Единую Россию”» [7, с. 30].

С точки зрения автора этих строк, данный режим наибольшего благоприятствования для партии власти подорвал основу формирования нормальной, сбалансированной и дееспособной партийной системы в России как формата свободной и равноправной конкуренции политических организаций, с различающимися группами поддержки, идеологиями и программными приоритетами. И без того малая дееспособность партий снизилась еще больше, их социальная база еще более перемешалась, конкурентоспособность в соревновании с «Единой Россией» стала резко ограниченной. С утверждением монопольного положения ЕР в партийно-политической жизни страны термин «партийная система» приобрел исключительно формальный смысл. Как не согласиться с М.С. Горбачёвым, когда он, еще в начале 1989 г., защищая монополию якобы преобладающей КПСС на идейно-политическое лидерство в стране, размышлял: «Что такое, к примеру, дискуссии о многопартийности? Они беспочвенны. Ведь можно и при трех-четырех партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно»⁵. Диктат не диктат, а три думские партии – КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» – никакой конкуренции партии власти уж точно не составили и не могли составить.

Исследователи с полным правом припечатали ЕР как «функцию от исполнительной власти» [17, с. 41], «придаток исполнительной власти» [5, с. 58], «объединение чиновников» [21, с. 2] и «клуб по интересам», члены ко-

5. Правда. – М., 1989. – 18 февраля.

торого заинтересованы в максимально эффективном использовании в своих целях государственной собственности [13, с. 125].

Если количество VIP-членов «Единой России» зависело и зависит от близости и лояльности чиновников высшего ранга руководству «клуба», то рост числа рядовых членов партии – во многом от лояльности чиновников вышестоящему начальству и их способности рекрутирования зависимых граждан. Перед выборами 2003 г. партия насчитывала, согласно ее собственной статистике, 400 тыс. членов, после победы на этих выборах – уже 680 тыс., а в конце 2010 г. – свыше 2 млн. Среди них – 26% пенсионеров, студентов и вообще не работающих, 21,2 – занятых в системе образования, 20,9 – занятых в промышленности; 13,25 – государственных служащих, 4% предпринимателей⁶.

На 1 января 2011 г., по данным Министерства юстиции, в ЕР состояли 2 073 772 человек. На тот момент пять единороссов заседали в правительстве и более 70 – в Совете Федерации. Сейчас партия располагает 238 местами из 450 в Государственной думе и 2838 местами из 3787 в региональных парламентах. Если бы ЕР ко всему этому обладала такой *полнотой* власти, как приснопамятная КПСС, вполне можно было бы вести речь об однопартийном государстве в России. Но будучи «функцией» и «клубом», она сама зависела и зависит от тех, кто определяет функции и руководит клубом. Б.И. Макаренко приводит откровенное высказывание одного из партийцев ЕР с многолетним стажем: «“Единая Россия” создавалась для того, чтобы стать проводником государственной политики команды Владимира Путина... Партия не призвана стать “руководящей и направляющей силой” государства, а лишь проводником воли политической. А это разные задачи, требующие совершенно разных инструментов. Такая структура, лишенная субъектности, никак не может стать мощной идеологической и политической машиной» [16, с. 55].

«Единой России» вполне комфортно быть океанским лайнером, вместе с которым одним курсом, определяемым руководством «клуба», следуют пароходики, яхты и даже шлюпки.

Оппозиция придворная и притворная

Многие исследователи сходятся в том, что оппозиционные партии в России представляют системную оппозицию (системную в смысле включенности не в некую партийную, а в политическую, еще точнее в режимную систему; критикуя режим, они прекрасно сосуществуют с ним, понимая, что к

6. Закатнов А. Клик – и в партии: Единороссы себя посчитали // Российская газета. – М., 2010. – 19 мая. – С. 3.

верховой власти им не подобраться). Применительно к монархическому строю такую оппозицию можно было бы еще с полным правом назвать придворной. Но ведь существует восприятие и существующего режима как «Дворца» – метафору «дворцового государства», введенную Ключевским, использует применительно к современной российской действительности И.И. Глебова [6]; стало быть в таком государстве не только партия власти «дворцовая» («клубная»), но и оппозиция придворная.

Вместе с тем субъективные интересы и объективная роль оппозиционных партий в современной России неодинаковы. Идеология и ценности КПРФ кардинально отличаются от идеологии и ценностей «Единой России», как и нынешней власти в целом. Это системная партия, вполне удовлетворяющаяся ролью вечного оппозиционера, который попал бы в труднейшее положение, получи он реальную власть. И тем не менее – она «Другая» в системе, смирившаяся с системой, но не подлаживающаяся под нее, она придворная, но не притворная. Ее социальный радикализм выношен. Это не крайне левый революционный радикализм, а просто левый парламентский, действительно оппозиционный, не мнимый.

Другие партии скорее играют в оппозицию, чем воплощают ее. По большому социальному счету оппозиционность многих из них не просто придворная, но и притворная. Социальная сущность режима осталась бы прежней, приди они к власти. Главное же, что ввиду отсутствия реальных шансов они серьезно о власти и не помышляют. Главное для них – сохранить свою электоральную нишу и остаться на плаву политической жизни. Впрочем, об этом – позже, кое-что на российской политической сцене все же изменилось в самое последнее время.

КПРФ насчитывает 154 тыс. членов⁷. Если судить по результатам ее участия в выборах, она достигла пика своей популярности в массах в середине и конце 1990-х годов. В 1995 г. за нее проголосовали 22,3% избирателей; в 1999 г. – 24,29%. Эти цифры, однако, не должны наводить на мысль о складывании тенденции: второй, наивысший за все время показатель, свидетельствует о росте протестных настроений в народе после серьезного экономического кризиса 1998 г. Дальнейшая история избирательных кампаний партии грустна: 12,61% голосов в поддержку в 2003 г., 11,57 – в 2007, 19,19% – в 2011 г. Мы видим прямую связь между ростом / падением влияния коммунистов и экономической ситуацией в стране, а также ростом / падением авторитета президента России и партии власти. Это проявление естественной закономерности электоральных процессов во всем мире, но никак не следствие

7. Коммунистическая партия Российской Федерации // Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 26.01.2012).

появления новых харизматических лидеров в руководстве КПрФ и новых мобилизующих идей в ее программе.

Примечательно, что на всех выборах президента России кандидат от КПрФ занимал вторые места. В 1991 г. Н. Рыжков уступил Б. Ельцину, победившему с огромным отрывом; в 1996 г. Г. Зюганов уступил Ельцину; в 2000 г. он же проиграл В. Путину; в 2004 г. Н. Харитонов и в 2008 г. снова Зюганов оказались далеко позади соответственно В. Путина и Д. Медведева. Здесь невозможно обнаружить каких-либо аналогий с опытом крупнейших зарубежных стран; эта ситуация просто-напросто арифметически отражала соотношение между числом сторонников движения российского общества вперед, в будущее (пусть даже не слишком ясное будущее) и сторонников движения назад, в прошлое (пусть даже скорректированное прошлое).

При этом чем дальше страна шла в будущее, тем определеннее высвечивались идеологемы прошлого в программе КПрФ. Когда-то лидеры партии (15 депутатов Верховного Совета РСФСР от коммунистической фракции и еще шесть от фракции «Отчизна», в которую входили радикальные коммунисты) проголосовали за ратификацию Беловежских соглашений, ознаменовавших конец Советского Союза. В 1996 г. Зюганов поздравил Ельцина с победой на президентских выборах скорее как коллегу по политическому цеху, чем идейного противника. Прошел страх перед репрессиями со стороны государства, возглавлявшегося могильщиком коммунизма Ельциным. Страна, ведомая последним по пути либеральных реформ, действительно оказалась ввергнута в тяжелейшую социально-экономическую ситуацию. На измучивший всех вопрос «что делать?» партия Зюганова все чаще показывала направление назад.

Посмотрим, с чем КПрФ выходила на парламентские выборы 4 декабря 2011 г. Было бы большой ошибкой считать все ее программные заявления пустыми и идеологически неприемлемыми. Напротив, определенная их часть отвечает интересам всего населения России и может быть реализуема. Оставим в стороне самые общие благие пожелания типа «утвердить справедливые международные отношения» или «создать новый союз братских народов», откровенно декларативные и потому неосуществимые в программе любой партии. Но вот ряд требований и справедливых, и выполнимых:

- обеспечить бесплатным жильем семьи с низкими доходами и облегчить условия покупки жилья в кредит, а плату за жилье ограничить 10% дохода семьи;

- обеспечить массовый отдых детей в здравницах и лагерях отдыха за счет государства;

- удвоить бюджетные расходы на культуру и науку в течение трех лет, причем законодательно установить минимальный уровень расходов на науку в размере 4% от ВВП;

- ввести прогрессивный подоходный налог;
- ужесточить наказания за коррупционные преступления и обеспечить широкий общественный контроль за материальным положением должностных лиц всех уровней.

Можем ли мы не согласиться с этими (и рядом других) требованиями?

Но одновременно (точнее перед всем этим) КПРФ обещает обществу народовластие и социализм, новую индустриализацию страны при национализации ключевых отраслей промышленности, распределение доходов от природной ренты между всеми гражданами. Каким образом партия рассчитывает это сделать, не раскрывается ни в ее программе, ни в заявлениях ее лидеров. Но история хранит память о том, как подобные лозунги реализовывались коммунистами-ленинцами и коммунистами-сталинцами. И коммунисты-зюгановцы подбрасывают поленья в топку этой памяти лозунгами «Социализму – быть!», «Вставайте, люди русские!», плакатами с изображениями Зюганова и Сталина, Сталина и Зюганова⁸.

Националистические лозунги начинают занимать все более заметное место в программе КПРФ; это одновременно сближает ее с ЛДПР и вызывает растущее раздражение последней – ведь именно ЛДПР первой заняла националистическую нишу во внутрироссийской идеологической конкуренции.

Партия Жириновского постоянно набирает меньше голосов на парламентских выборах, чем коммунисты; поэтому следует с осторожностью относиться к данным ее собственных статистиков о наличии у нее более 200 тыс. членов⁹. Она является старейшей из неправящих партий России, наследовав Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПСС), созданной в декабре 1989 г. В. Жириновским и В. Богачевым. Давно разгаданной загадкой стала поддержка ее немалой частью избирателей при абсолютном несоответствии программ и лозунгов либеральным и демократическим идеалам. Если бы эту партию возглавлял любой другой политик, кроме Жириновского (вообще любой, не только элдэпээровец), она давно ушла бы с политической сцены, а многие из националистически настроенных русских мужиков, которые традиционно составляют 65–70% ее электората [16, с. 25], голосовали бы за КПРФ. Жириновский и националистическая риторика словно созданы друг для друга. Невозможно представить, чтобы Путин, Медведев, Зюганов, Явлинский, Прохоров, Миронов, Касьянов (далее «по списку») могли достичь сравнительного уровня эпатажа, как невозможно представить, что кто-нибудь сумел бы в подобном агрессивно-невротическом стиле проповедовать приличествующие либерально-демократической партии идеалы свободного рынка,

8. *Правда Москвы*. – 2011, октябрь. – С. 1, 8; там же. – 2011, ноябрь. – С. 1–2.

9. См. информацию на сайте партии. – Режим доступа: <http://www.ldpr.ru/#party> (дата обращения 30.01.2012).

демократии, прав человека. В качестве начальника партии обличения и протеста Жириновский уловил, чего не хотят очень-очень многие русские: а) возврата к прежней коммунистической системе; б) окончательного торжества квазикапитализма и диктата олигархического режима; в) унижения страны в мире и собственного унижения в стране. ЛДПР – классическая партия так называемого переходного периода, независимо от степени ясности, к чему совершается переход¹⁰; как только «переход» вперед ли, назад ли совершается, надобность в ней исчезает. Именно в ситуации социально-политической недоустроенности легче всего преувеличить степень национального унижения, сделать преодоление этого унижения главной задачей политики.

Априорный козырь ЛДПР в гласной и негласной полемике с партией власти – как раз в том, что последняя, представляя как бы всю Единую Россию, не может позволить себе отождествления с партикулярными этническими интересами, даже интересами главенствующего этноса. Но это преимущество не может восполнить уязвимость партии из-за откровенной декларативности, неосуществимости и противоречивости ее социально-экономической и внешнеполитической программ. Парадоксальным образом «союзниками» ЛДПР являются те силы, против которых она выступает наиболее ожесточенно – США, НАТО и радикалы-исламы в России; не будь их популистский пафос Жириновского оказался бы урезанным вполювину.

С точки зрения практической политики и развития политической системы все эти идеологические нюансы не имеют никакого значения. Жириновский и жириновцы оппозируют правящей партии и первым лицам государства по существу только во время выборов. Как отмечает А.В. Макашкин, «после 1993 г. Жириновский успешно сотрудничает с Кремлем, проявляя почти безграничную способность договариваться» [19].

История КПРФ и ЛДПР свидетельствует: не выигрывать (это нереально), но просто составить конкуренцию партии власти могут только сколько-нибудь радикальные организации. Не экстремистские, но и не строго центристские. Масштаб социальной базы позволяет зюгановцам и жириновцам пройти в парламент, не больше.

При более низком чем 5% проходном цензе в Думе могли бы оказаться (как было когда-то) партии правой, действительно либерально-демократической направленности. Но даже в этом случае они, наподобие пресловутого «офисного планктона», представили бы собой не более чем парламентский планктон. У правых нет ни оригинальной привлекательной для масс идеологии, ни (в силу этого) сколько-нибудь широкой и прочной социальной базы,

10. М.А. Афанасьев не без оснований предложил назвать российскую ситуацию не переходной, а «межеумочной» [1, с. 216], и это объяснило бы популярность партии Жириновского в 1990-е годы.

ни ярких лидеров (Михаил Прохоров только проходит телепробы в этом амплуа). Последним претендентом, хоть и не очень сильным, на роль харизматического вождя мог бы стать Г. Явлинский, политик более близкий по своим воззрениям к европейской социал-демократии, чем к либералам, и потому «зависший» в политическом пространстве. Если Жириновский и ярый национализм искали друг друга и нашли, то Явлинский и социал-демократия, похоже, и не искали друг друга. Когда социал-демократическое знамя России подхватил Горбачёв, Явлинскому было уже поздно вклиниваться в эту нишу – да и как бы он порвал со своим детищем «Яблоком»?

Как говорилось выше, Кремль допускал возможность опоры на две взаимоподдерживающие и взаимозаменяющие партии власти – право- и левоцентристскую. Эта модель двухпартийной системы по образу и подобию США, либо Западной Европы какое-то время сидела в умах кремлевских идеологов и политтехнологов. Плодотворной, однако, ее с самого начала нельзя было назвать по крайней мере по двум причинам. Во-первых, она дезориентировала бюрократию – главный административно-управленческий опорный столб Кремля. Во-вторых, традиции и опыта двух опор власти у России не было никогда и это раскалывало электорат партии власти, раскалывало отнюдь не в идеальной и потому нереальной половинной пропорции, при которой другим партиям не оставалось социальных ниш, а в неравной пропорции, при которой в борьбу вмешивались другие партии.

Допустимо и такое объяснение, почему, создав под себя две партии, режим стал ощутимо поддерживать лишь одну, ЕР: одновременная поддержка левоцентристской и правоцентристской организаций в российских условиях резкого социального раскола неизбежно привела бы к необходимости выбора между ориентацией на средние и низшие социальные слои, либо на крупный бизнес вместе с чиновничеством.

Выбор стал очевиден уже тогда, когда была создана «Справедливая Россия». Выяснилось, что, вмешавшись в электоральную борьбу, она не столько отбирает голоса у неправительственных партий, сколько разжижает властный электорат на федеральных и региональных выборах. 37,5% голосов, полученных ЕР на выборах в Госдуму в 2003 г., были сочтены недостаточными для партии власти. Перед следующими выборами в 2007 г. на чашу весов, определяющих силу ЕР, была брошена решающая гиря – лидером партии официально стал Путин, возглавивший ее список. Однако социальная ориентация «Справедливой России» способствовала тому, что ее численность, сильно уступая «Единой России», была выше, чем у других партий – 414 558 членов в мае 2011 г. по данным сайта Министерства юстиции РФ.

Стремясь оправдать свое название, С. Миронов и другие руководители «Справедливой России» ставили акцент в своих программных документах на необходимости сильной социальной политики, учитывающей интересы пен-

сионеров и малоимущих слоев населения в целом. Не став в полной мере выразителем интересов этих слоев, СР тем не менее вместе с КПРФ способствовала тому, что социальная проблематика оставалась в центре политических дискуссий. В законотворческой парламентской деятельности, однако, эсеры практически всегда поддерживали предложения «Единой России», снискав себе репутацию ее верной приспешницы. Пожалуй, ближе к истине мнение, что главной идейно-политической нишей СР стал «умеренный протест», а именно «ориентация на избирателя, который в целом лоялен власти, но хочет “наказать” ее за недостаточное внимание к социальным вопросам или слишком навязчивую избирательную кампанию» [16, с. 63]. Реагируя на финансовый кризис, эсеры предлагали снижение налогов на малые предприятия и установление налоговых льгот для реального сектора экономики.

Поиск «оптимальной, золотой середины между критикой и лояльностью власти» [там же, с. 64] стоил «Справедливой России» недоверия избирателей и холодного отношения власти. Такое «подвешенное» положение не устраивало и самих эсеров; понимая, что потеря самостоятельности может в конце концов обернуться для них политической смертью, они предпочли усилить критику президентского курса и ЕР. Отчуждение между Кремлем и СР нарастало и из вербальной сферы перешло в сферу действий. По инициативе ЕР в мае 2011 г. С. Миронов был отозван с поста председателя Совета Федерации. Оправдывая этот акт, эсеровский ренегат, вице-спикер Госдумы А. Байбаков, вышедший из партии 21 июля 2011 г. и вступивший в детище Путина и ЕР «Общероссийский народный фронт», заявил, что не желает состоять в партии «борющейся за место под солнцем» и выбравшей «курс на войну с “Единой Россией”»¹¹.

Соответствует ли это действительности? Ведь если одна из двух проправительственных партий объявляет «войну» другой, это значит, что в монолитности режима появилась трещина, пусть и небольшая, и надежда на реальную многопартийность возрождается.

Парламентские выборы 2011 г.: Третья фаза?

Миронов не стал опровергать обвинение Байбакова, он выразил радость по поводу его расставания с партией, а на уход из «Справедливой России» другого депутата Думыотреагировал так: «Будешь ты в “Единой России” петть под чужую дудку; никуда тебе от этого не деться, потому что предательство есть предательство»¹². Еще в 2006 г. он заявил, что его партия никогда

11. *Справедливая Россия* // Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%FO%E0%E2%E5%E...> (дата обращения 31.01.2012).

12. Там же.

не будет «партией власти два», а ЕР, позиционировав себя как партию власти, совершила «стратегическую ошибку»¹³.

К этому стоит присовокупить пикировку лидера эсеров с «Единой Россией» и правительством, длящуюся уже два года. Миронов критиковал предложенные правительством Путина бюджет на 2010 г. и антикризисные меры, особенно за недостаточное внимание социальной сфере, а «Единую Россию» обвинял в использовании административного ресурса и провозглашении идеологии «российского консерватизма», которую он назвал «сомнительной»¹⁴.

Многие считают разногласия между лидером СР и Путиным чистой инсценировкой – равно как и разногласия между Путиным и Медведевым в период президентства последнего. Такие суждения представляются слишком прямолинейными. При всем обилии постановочных сцен в практике государственной власти в России вполне допустимо, что в обоих случаях сработал эффект младшего брата, привыкшего к опеке со стороны старшего, но по мере взросления ощущающего растущую тягу к самостоятельности. Кроме того, подобно многим российским гражданам, и Медведев на посту президента, и Миронов на посту спикера Совета Федерации в какой-то момент могли почувствовать, что импульс к обновленчеству, к социально-политической стабилизации во имя дальнейшего демократического и социально справедливого развития все больше уступает в стратегии Путина ставке на просто стабилизацию ради сохранения завоеванных властным режимом позиций. Вопреки изначальным договоренностям возник встречный импульс корректировки проводимой политики, сопровождаемый надеждой и / или расчетом на обретение собственных властных полномочий большего объема.

В силу сказанного политические расхождения между Медведевым и Путиным, между «Справедливой Россией» и «Единой Россией» были более болезненными для Путина и ЕР, чем их расхождения с другими партиями и лидерами, давно критикующими проводимый режимом курс. Эсеры стали вылезать из того прокрустово ложа системной оппозиции, которое было отмерено им вначале. Этому нет прощенья, и Миронов поплатился своим рангом третьего лица в государстве.

Выигрышем же для «Справедливой России» от ее демаршей в сторону ЕР и Путина стал рост электората: если на выборах 2007 г. ее поддержали 7,74%

13. Сергей Миронов заявил, что его новая партия не будет «партией власти два». – Режим доступа: <http://www.ntwsru.com/arch/russia/05nov2006/suy.html> (дата обращения 08.11.2006).

14. См., напр.: Кеннет К. Критика Путина Мироновым должна стать предостережением для элиты // *Corporate Business World / Бизнес мир России*. – М., 2010. – Март, № 2. – С. 8.

избирателей, то в 2011 г. – 13,24%, что принесло 64 депутатских мандата против 38 в Думе прежнего созыва. Эсеры обошли ЛДПР, за которую отдали свои голоса 11,67% россиян и которая получила 56 парламентских мест. Потеря третьего места в персональном ранжире высшей государственной иерархии обернулась для «Справедливой России» приобретением третьего места в парламентской фракционной иерархии. Единороссы же в 2011 г. набрали менее 50% голосов, потеряв 77 мест по сравнению с 2007 г. и конституционное большинство в ГД.

Эти количественные и отнюдь не грандиозные сдвиги в партийно-политической жизни России, приведшие к тому, что правящая партия лишилась конституционного большинства в 2/3 голосов в Думе, можно расценивать как появление признаков жизни партийной системы в стране. В политической жизни тем больше политики, чем меньше доминирования и монополизма. В системе тем больше системности, чем меньше неустойчивых, несамостоятельных элементов. Каждый шаг к обретению самостоятельности и зрелости, противостоянию доминированию и монополизму – шаг к направлению становления реальной, а не формальной партийной системы.

Картина движения в этом направлении в 2011 г. могла бы быть более определенной, если бы не привходящий фактор – использование административного ресурса в ходе выборов и манипуляции при подсчете голосов. У «Единой России» уже имелся опыт фабрикация нужного электорального результата. Так, в декабре 2007 г. на некоторых избирательных участках в Мордовии за ЕР проголосовали 104% и даже 109% избирателей! [Травин, с. 40]. Срывы, которые случались в применении административного нажима, по существу подтверждают наличие нажима. В ходе тех же выборов в Кабардино-Балкарии по всей республике единороссов поддерживали порядка (плюс-минус) 70% населения, а в Карачаево-Черкесии, расположенной по соседству, наблюдался разброс от 45 до 86%. «Было бы опрометчиво искать причины колебаний в популярности у населения тех или иных партийных программ, – писали тогда Д. Орешкин и В. Козлов. – Просто местные группировки, которым не досталось места под флагом “Единой России”, пытаются лоббировать свои интересы под другими знаменами – все равно какими»¹⁵. Конкретно дело было в том, что новый президент Карачаево-Черкесии не сумел договориться о поддержке ЕР с местными баронами, ввиду чего данный разброс оказался совершенно нетипичным для северокавказской зоны «управляемого голосования».

В 2011 г. Северный Кавказ подтвердил свою репутацию социально и конфессионально сейсмической, но политически контролируемой (через ме-

15. Орешкин Д., Козлов В. Партия в городки // Новая газета. – М., 2009. – 1 апреля. – С. 9.

ственное руководство) территории. Чечня проявила накрепчайшую, непревзойденную любовь к правящей партии в виде поддержки ее 99,48% граждан, немалого отстали Ингушетия (91) и Карачаево-Черкесия (89,8%).

Любопытно сравнить результаты прошлых парламентских выборов в приволжских республиках. Если в Удмуртии и Чувашии за ЕР проголосовали соответственно 45,1 и 43,4% избирателей, то в Мордовии, бессменно с 1995 г. руководимой членом Высшего совета партии «Единая Россия» Н.И. Меркушкиным – 91,6%.

Курьезные вещи происходили в обеих столицах. В Москве на избирательном участке по одну сторону улицы правящей партии отдали свои голоса 26% пришедших на выборы, а на участке по другую сторону той же улицы – 94%. В Питере, утверждает О. Дмитриева, заместитель главы партийной фракции «Справедливой России», у эсеров были «украдены» и «переписаны» на счет ЕР 38 тыс. голосов; к примеру, в одной школе, где проходило голосование, единороссам насчитали 90% голосов на трех участках; в соседней школе – только 20%¹⁶.

Политический сериал «Выборы-2011» имел продолжение в виде демонстраций и митингов с требованиями пересчета голосов по всей стране и проведения «честных выборов». Понятное дело, в этих митингах не участвовали сторонники «Единой России». Но то, что выборы прошли с нарушениями, не отрицал никто, даже президент и правительство. К удивлению многих, А. Кудрин, бывший министр финансов в правительстве Путина, отправленный в отставку Медведевым, всегдашний молчаливый исполнитель «высшей воли», приехав на митинг на проспекте Сахарова, заявил: «Я тоже за честные выборы», за «досрочные выборы в Думу уже на новых условиях» и с новым Центризбиркомом¹⁷. Вопрос в общенациональном дискурсе заключался лишь в том, каков реальный масштаб нарушений. Единороссы, отводя глаза, утверждали, что оппозиционные партии также проводили переписывание и вбросы бюллетеней, следовательно, игру можно считать ничейной и переигровку не проводить. Юридически решение о новых выборах можно было бы принять только в случае признания Центризбиркомом массовой фальсификации и отказа утвердить итоги. Мог вмешаться и президент, поставив вопрос о непризнании итогов выборов в Думу. Ничего этого не произошло, а если бы и произошло то, по здравому размышлению, максимальным достижением оппозиции на новых выборах было бы лишение «Единой России» не только конституционного, но и простого большинства в парламенте, когда она получила бы не 238 мест из 450, а меньше половины. Ни один политический

16. «Мы можем доказать!» // Новая газета. – М., 2011. – 19 декабря. – С. 2.

17. Что привело вас на митинг? // Собеседник. – М., 2011. – 28 декабря. – С. 2.

обозреватель, насколько известно, не рискнул предположить, что какая-либо другая партия (а речь могла идти прежде всего о коммунистах, которым достались 92 мандата) отвоевала бы у ЕР первое место.

Уже в 2012 г. новая волна митингов в поддержку разных кандидатов на пост президента России показала, что сериал отнюдь не закончен. Снова «Единая Россия» использовала административный ресурс, которым из всех партий распоряжалась только она. Материальные стимулы и договоры о поддержке могли использоваться другими партиями, а вот заставить народ под угрозой административного наказания топтаться на январском морозе и семи ветрах Поклонной горы в поддержку своего кандидата могла лишь ЕР¹⁸.

Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем точных ответов на многие вопросы, так сказать, количественного характера. Сколько фальшивых бюллетеней были приняты ЦИК в качестве истинных? Сколько голосов было отнято у оппозиционных партий – у всех в сумме и у каждой в отдельности? Если бы масштаб нарушений был меньшим, как бы это повлияло на расстановку сил в Думе? На каких уровнях власти принимались решения о переписывании и вбросе бюллетеней? Какие в точности и кем давались указания о «нужном голосовании» руководителям регионов, какие им были обещаны поправки и как они реагировали на это? До нас доходят отдельные факты через Интернет, гораздо реже через печать, но общей картины нет.

А так ли уж важна в данном случае количественная сторона дела? Именно в данном случае? Вот если бы правящую партию и идущих следом коммунистов разделяли не 30% (по официальным данным), а 5–10%, тогда фальсификация приобретала бы судьбоносный смысл, и режим ждал бы суровый суд истории.

Оставим поэтому вопрос о количественных аспектах политической борьбы в стороне. Президентские выборы 4 марта 2012 г. яснейшим образом показали, что будущее России по-прежнему будет строиться «сверху» в соответствии с волей первого лица и его окружения, которая транслируется и через чиновничество, и через партию власти, и через СМИ, будучи принятой большинством населения страны. Будущее России оказывается заложником этой воли: если она направлена прежде всего на свободу мнений и оценок, учет позиций несогласных и критикующих, на достижение большей социальной справедливости, на реальную борьбу с коррупцией, монополизмом и нелегальными доходами – тогда это хорошо для России. Если воля «Дворца» («клуба») направлена на приоритеты самоконсервации, ограничение и подавление оппозиции, дозированный патернализм по отношению к населению –

18. «Я не отправила людей на Поклонную. Меня уволили» – это то, что случилось с директором одного из учебных заведений Зеленограда еще до самого митинга (Новая газета. – М., 2012. – 8 февраля. – С. 3).

тогда это плохо. Современным державникам и традиционалистам не худо было бы вспомнить наставления выдающегося русского государствоведа Б.Н. Чичерина о необходимости взаимного ограничения государства и общества: «Власть должна стеснять себя в пользу свободы, предоставляя последней надлежащий простор и даже влияние на общие дела» [25, с. 318].

Пока ситуация такова, что позволяет одной из сторонниц В.В. Путина, весьма популярной в шоу-бизнесе, заявить: «Владимир Путин и его отношения с Россией напоминают мне двух супругов... Для брака, которому десять лет и больше, развод уже крайность»¹⁹. Читателю предстоит поразмышлять, во-первых, кто в этом браке муж, а кто жена; во-вторых, если после десяти лет развод – крайность, то что же можно будет сказать после 20–22 лет?

Становление монолитного авторитарного порядка сталкивается со сложностями, порожденными требованиями его собственного развития в разных областях, которые приходят в противоречие друг с другом. Так, назначение губернаторов Кремлем вместо выбора их в самих регионах способствовало укреплению вертикали власти и консолидации правящей элиты, но затруднило работу правящей партии в массах. Выборным губернаторам, пользовавшимся авторитетом в своих доменах, было легче мобилизовывать население в поддержку «Единой России». Назначенным губернаторам, не успевшим или не сумевшим завоевать сравнимый авторитет, а тем более настроившим против себя население, делать это труднее. Появление их имен под первыми номерами в региональных избирательных списках ЕР порой вызывало раздражение. Проблема усугублялась масштабом смены местных властей; так, в 2010 г. в 18 регионах появились новые, удобные Федеральному центру, губернаторы²⁰.

Вне зависимости от партийных идеалов *modus operandi* партийных структур, прежде всего верхушечных, помечен теми же признаками злоупотребления властью, что и административная вертикаль. Покинувшая ряды Союза правых сил (СПС) еще в 2002 г. депутат Мосгордумы И.М. Рукина сетовала, что «не могла смириться с тем, что в демократической партии существуют авторитарные порядки»²¹. Руководитель Брянского регионального отделения «Справедливой России» Л. Колмогорцева, выйдя из партии в сентябре 2011 г., мотивировала свое решение тем, что С. Миронов волевым по-

19. Собчак К. Хотела бы сделать ребрендинг Путина // *Собеседник*. – М., 2011. – № 50. – 26 декабря. – С. 9.

20. Полунин А. Выборы – 2011: Путин заменяет губернаторов-аллергенов. – *Режим доступа*: <http://svpressa.ru/politic/article/45817/> (дата обращения 31.01.2012).

21. *Новости столицы: Информационный выпуск для жителей САО*. – М., 2005. – Июнь. – С. 1.

рядком включил в брянский избирательный список московского миллионера В. Рудникова, пообещавшего руководству эсеров 120 млн. руб.²²

Каким может быть будущее российских партий в нынешней партийной квазисистеме? «Единая Россия» и Путин действительно не могут развестись, хотя ценность ЕР в глазах Путина будет падать: в управленческой практике толку от нее мало (это не КПСС с сетью райкомов), сильных идеологов в ней нет, а непопулярность ее из-за махинаций и коррупционных связей растет. Путин один весомее всей ЕР. Но распустить ее он не может. Дилемма: либо попытаться создать сеть райкомов, подобных советским (но для этого нужно вернуться к советской системе государственного управления); либо предоставить партию самой себе, посматривая, однако, за тем, чтобы она не бросала тень на имидж самого президента.

Примерно та же ситуация в ЛДПР. Эта партия существует, пока существует Жириновский. Но вождь стареет, выдыхается, теряет шансы... Партию будут ошипывать. Кто-то уйдет к эсерам, кто-то к коммунистам. Карьеристы – к единороссам.

«Справедливая Россия», настойчиво именуя себя социал-демократической партией, берет на себя трудную задачу заполнить нишу общемирового значения, в России до сих пор по-настоящему неостребованную. Мировой опыт и исторический смысл социал-демократической политики, увы, не служат источниками вдохновения для целых социальных слоев в России – крестьян, пенсионеров, женщин, молодежи, даже рабочих, многие из которых поддерживают традиционный эсдековский лозунг социальной справедливости и напрочь не понимают лозунг социального партнерства. Какое партнерство, когда профсоюзы в стране маломощны и несамостоятельны? Им нечего предложить предпринимателям; последние, говоря о партнерстве, просто, если хотят, предлагают как дар улучшенные условия труда, за которые именно их, предпринимателей, следует благодарить. Кроме того, история свидетельствует, что социал-демократические партии добивались успеха тогда, когда они были ведомы яркими личностями. Этого никак не скажешь о «Справедливой России», тем более с учетом провального участия С. Миронова в президентских выборах. Тем не менее у эсеров есть шансы понемногу набирать очки и пополняться за счет ЕР и ЛДПР. Коммунисты к ним не пойдут.

Будущее КПрФ зависит от возраста собственных членов и экономической ситуации. Проще сказать – от цен на нефть. В благополучной и стабильной России им власти не видать. Кризис за них, стабильность против них. Правда, кто в состоянии гарантировать благополучие и стабильность в Рос-

22. *Справедливая Россия* // Википедия. См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E1%F0%E0%E2%E5%E...> (дата обращения 31.01.2012).

сии? С другой стороны, коммунисты постепенно теряют радикальный пыл работы на улице, в массах. Они раз за разом не признают легитимными результаты парламентских и президентских выборов – но, заметьте, не верят, что массы их в этом поддержат. «Народ не выйдет на улицы, – пессимистически изрек Г. Зюганов в интервью газете “Советская Россия” в 2004 г. – Даже в 93-м году, когда в Москве был такой мощный импульс восстания, который должен был сдетонировать сопротивление на местах, народ остался в своих домах, способный лишь на моральное сочувствие»²³. Не по-ленински рассуждаете, товарищ Зюганов! Нет веры в успех – нет веры в партию.

Наконец, праволиберальная партия может начать пробуждаться к жизни лишь в случае, если ее строительством займется М. Прохоров. Это взаимовыгодное предприятие: партия нужна ему для продолжения политической карьеры не меньше, чем он ей. Какого-либо успеха она сможет добиться, сменив имидж яхт-клуба богатеньких на имидж молодых и энергичных авангардистов от среднего класса. Сам взлет миллиардера из сибирской кладовой никеля и золота привлекателен для части российской молодежи.

Всем оппозиционным партиям катастрофически не хватает в своих рядах ярких личностей, искренних и убежденных адептов.

Каким же образом в этой ситуации побудить правителя и правящую элиту прислушаться к голосам инакомыслящих, критиков и оппозиционеров? Еще на рубеже XIX–XX вв. М.Я. Острогорский высказал следующую мысль, парадоксальную в условиях зрелых и устоявшихся политических режимов, но актуальную на разного рода переходных, трансформационных стадиях, чреватых революционными потрясениями: «Нужно, чтобы правящее меньшинство всегда было под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей» [20, с. 685]. Память подсказывает, что президентская власть действительно была напугана во время противостояния с парламентом в октябре 1993 г.; в ходе массовых шахтерских волнений того же периода; в президентской гонке 1996 г. Боялась ли она потом? Затруднительно дать точный ответ, во всяком случае, после начала «путинской стабилизации» она себя, напротив, с каждым годом чувствовала все увереннее. Так было до декабря 2011 г. А в эти декабрьские недели Болотная площадь и Проспект Сахарова стали в ее глазах символом осязаемой угрозы.

Берусь утверждать, что 4 марта 2012 г. синдром чрезмерных опасений был снят. Не совсем, конечно, поскольку треть голосов не в поддержку В.В. Путина – это немало. Кроме того, в абсолютном выражении Путина

23. Четыре вопроса Геннадию Зюганову главных редакторов газеты «Завтра» А. Проханова и газеты «Советская Россия» В. Чикина // Советская Россия. – М., 2004. – 26 июня. – С. 1.

поддержали 45 млн. человек, а были и есть еще порядка сотни миллионов, среди которых и оппозиционеры, и те, кто проигнорировал выборы, и мальчишки-девочки, которые будут расти и взрослеть в течение последующих 12 лет. За кем они пойдут, в каких условиях будут мужать? Для будущего России это ключевой вопрос.

Возвращаясь к правящей партии, следует заметить, что главный ее враг — она сама. Аналитики давно отмечали несамостоятельный характер партии, управляемой директивами Кремля, отсутствие у нее содержательной идеологии и реальной ответственности за свои действия, умения рекрутировать достойную смену [17, с. 50; 5, с. 58]. С этой точки зрения в практике ЕР мало что изменилось и сейчас. Уместны вопросы, какой захочет видеть ее В.В. Путин в свой третий, длинный президентский срок; с кем ей придется блокироваться в Думе, чтобы добиться принятия решения конституционным большинством. Но рассчитывать, что ее главенствующая позиция будет поколеблена, в ближайшие годы не приходится. «Единая Россия» воспринимается как партия порядка, а порядок — основная ценность большинства россиян. На вопрос «Левада-Центра» в 2010 г. «Что сейчас важнее для России: порядок или демократия?» 56% опрошенных заявили «порядок», 23% — «демократия». Почему они выбрали порядок, становится ясно по ответам на вопрос о том, куда движется страна. 38% респондентов имели на сей счет смутное представление, 30% — никакого [10, с. 19, 21]. Ощущая себя участниками бесконечного марша неизвестно куда, россияне более всего хотят порядка, предсказуемости, стабильности.

Ключевой вопрос с точки зрения и роли партий в общественном развитии, и разделения властей, и эффективности всей политической системы в целом: какой может (должна) быть основа этой стабильности? Расширение парламентских полномочий при ограничении полномочий президента? Прекрасная теоретическая модель, оправдавшая себя в целом ряде развитых демократий, где в парламентах конструктивно взаимодействуют центристские партии социал-демократической и либеральной направленности. Такова ли наша Дума, таковы ли наши партии? В февральской статье в «Независимой газете» С. Бабурин и З. Станкевич приводят весьма разумные соображения относительно природы кризисных явлений в текущей российской политике и уповают в качестве главного средства преодоления кризиса на созыв Конституционного собрания, которое заменит Государственную думу и Совет Федерации «эффективно работающими высшими органами народного представительства» [2, с. 5]. Этот завуалированный призыв вернуться к системе советских народных депутатов просто наивен, если учесть, что нет ни малейшей уверенности в том, что качество новых «высших органов народного представительства» будет выше, чем качество ГД и СФ. К тому же архиважно уже то, как будет формироваться Конституционное собрание. Не выбора-

ми, а по «особой процедуре», говорят авторы. Кто ее разработает, докажет ее легитимность и введет – совершенно неясно.

Неограниченные президентские полномочия? Для правой и левой оппозиции это наиболее неприемлемый вариант, как, впрочем, и для всех здравомыслящих россиян. Это путь к диктатуре. Л. Шевцова называет «борьбу с единовластием» главной стратегической задачей пробуждающегося российского общества [26, с. 9].

Россию ждет непростой опыт жизни без общенациональных выборов в течение пяти лет (Дума) и шести лет (президент). Текущий год должен показывать, как эти два головных политических института России, эти две ветви верховной власти осмыслили уроки выборов 4 ноября 2011 и 4 марта 2012 гг. Оппозиция выразила свое неприятие существующего режима тверже и настойчивее, чем ранее. Ход за властью.

Представляется важным, чтобы «новый» президент России понял: сомнения в легитимности результата президентских выборов и требования «честных выборов» направлены против него лично в той и только той степени, в какой он лично способствовал созданию политического режима, при котором вся политика от «а» до «я» намечается и проводится из одной точки власти, отводя сторонникам альтернативных политических стратегий и решений в лучшем случае роль статистов, в худшем – врагов и интриганов. Это неправильно по отношению к самим оппозиционерам и критикам, и еще более неправильно по отношению к той части электората, которая, вовсе не выбирая себе кумиров в лице Зюганова, Прохорова, Жириновского, Миронова (более того, понимая отсутствие у них всякой харизмы, необходимой в России первому лицу в государстве), просто глубочайшим образом разочарована тем, что ей в очередной раз показали старый, давно отрепетированный спектакль. Да, зрителями были все россияне, и многие из них хлопали в ладоши. Но это очередной аванс власти, демонстрация той самой жажды стабильности по принципу «лишь бы хуже не было». Пуще огня боится страна перемен к худшему. На таком ли фундаменте строить ей свое величие?

Литература

1. Афанасьев М. Общественно-политические условия «русского чуда» // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 39, № 6. – С. 213–222.
2. Бабурин С., Станкевич З. Вернуть страну народу // Независимая газета. – М., 2012. – 2 февраля. – С. 5.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 805 с.
4. Гельман В.Я. Политические партии в России: От конкуренции – к иерархии // Полис. – М., 2008. – № 5.
5. Гельман В.Я. Тупик авторитарной модернизации // Pro et contra. – М., 2009. – № 5–6. – С. 51–60.

6. Глебова И.И. Особенности эволюции государства в России: «Дворец» // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 1. – С. 84–112.
7. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et contra. – М., 2008. – Январь-февраль. – С. 22–35.
8. Гуселетов Б. Становление социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. – М., 2011. – 162 с.
9. Денисов С.А. Административное общество. – Екатеринбург, 2011. – 606 с.
10. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et contra. – М., 2010. – № 5. – Сентябрь. – С. 6–22.
11. Дюверже М. Политические партии. – М., 2002. – 427 с.
12. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы: От перестройки до суверенной демократии. – М., 2007. – 232 с.
13. Иноземцев В. Демократическая перспектива для России не просматривается: Интервью с Владиславом Иноземцевым // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – № 1. – С. 123–128.
14. Ковалёв В.А. Политические альтернативы в современной России. – Сыктывкар, 2010. – 202 с.
15. Лысенко В. Три этапа развития многопартийности // Парламентаризм и многопартийность в современной России. – М., 2000. – С. 116–123.
16. Макаренко Б.И. Партийная система в России в 2008–2009 гг. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 80 с.
17. Макаренко Б. Сценарии эволюции партийной системы // Pro et contra. – М., 2010. – Июль–октябрь. – С. 39–52.
18. Макаркин А. Выборы в рамках контракта // Pro et contra. – М., 2008. – № 1. – С. 36–45.
19. Макаркин А. Партийная система современной России и начало кризиса. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/3564-partijnaja-sistema> (дата обращения: 12.01.2012).
20. Острогорский М.Я. Демократия и политический процесс // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. – М., 2009. – С. 675–687.
21. Петров Н. Политический дизайн современной России // НГ-Политика: Приложение к Независимой газете. – 24.05.2007. – С. 2.
22. Согрин В. Политическая история современной России. – М., 1994. – 192 с.
23. Травин Д. Авторитарная личность на российских выборах // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – № 1. – С. 40–50.
24. Хейл Г. Партийная система в России: Четыре мифа // Ведомости. – 18.07.2011. (Электронный ресурс: <http://www.vedomosti.ru/ntwspaper/article/264058/chetyre>).
25. Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. – М., 2009. – С. 276–339.
26. Шевцова Л. Перехват лозунгов // Новая газета. – М., 2011. – 19 декабря. – С. 9.
27. Шимов Я. Эпоха Владимира Путина и трансформация российской государственности // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – С. 26–39.
28. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. – М., 2002. – 262 с.
29. Sakwa R. Russian politics and society. 2nd ed. – L., 1996, XVII, 501 p.
30. Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – Vol. 1. – Cambridge, 1976. – 370 p.